

**ОСНОВЫ ВЕДЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ
УЗБЕКИСТАН**

Анваров Демиралли Тахир угли

Студент 3 курса факультета

«Международное право и сравнительное правоведение»

Ташкентского государственного юридического университета

e-mail: anvarovdemirali@gmail.com

***Аннотация:** статья посвящена комплексному анализу правовых основ и процессуального алгоритма расследования международных преступлений по законодательству Республики Узбекистан. На основе положений главы VIII Уголовного кодекса Республики Узбекистан «Преступления против мира и безопасности человечества», норм Уголовно-процессуального кодекса о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства, а также с учётом статуса Республики Узбекистан в отношении Римского статута Международного уголовного суда и Женевских конвенций 1949 года автор последовательно раскрывает понятие международного преступления, юрисдикционные основания уголовного преследования, пошаговый алгоритм возбуждения и расследования уголовного дела о международном преступлении, институт выдачи (экстрадиции), а также практические проблемы доказывания. Отдельное внимание уделено анализу узбекской модели работы с гражданами, связанными с зонами вооружённых конфликтов (гуманитарные операции «Мехр»), как практическому примеру дифференцированного подхода к оценке уголовно-правового статуса лиц, находившихся в зоне международных преступлений. Проведён сравнительно-*

правовой анализ с законодательством Российской Федерации, Республики Казахстан, Федеративной Республики Германия, а также с практикой международных уголовных трибуналов. Автором предложены конкретные меры по совершенствованию национального законодательства.

Ключевые слова: международное преступление, геноцид, преступления против человечности, военные преступления, агрессия, Уголовный кодекс Республики Узбекистан, юрисдикция, экстрадиция, Международный уголовный суд, Женевские конвенции, универсальная юрисдикция, расследование.

Введение

Международные преступления — геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии — представляют собой наиболее тяжкую категорию противоправных деяний, посягающих не на отдельное государство или отдельного человека, а на охраняемые всем международным сообществом ценности мира и безопасности человечества [1; 2]. Актуальность исследования правовых основ расследования подобных деяний применительно к национальному законодательству Республики Узбекистан обусловлена, на наш взгляд, несколькими обстоятельствами. Во-первых, Узбекистан, как и любое иное суверенное государство, обязан обеспечивать неотвратимость

ответственности за такие деяния в силу как норм международного гуманитарного права, так и норм собственного уголовного законодательства, воспринявшего соответствующие составы ещё в 1994 году. Во-вторых, регион Центральной Азии в последние десятилетия непосредственно столкнулся с последствиями вооружённых конфликтов за его пределами — прежде всего в связи с вовлечением части граждан государств региона, включая Узбекистан, в деятельность вооружённых формирований в Сирии и Ираке, — что поставило перед национальными правоохранительными и судебными органами практическую задачу правовой квалификации действий таких лиц и, где это требуется, организации соответствующего расследования.

Целью настоящей статьи является последовательный, пошаговый анализ алгоритма расследования международных преступлений в том виде, в каком он предусмотрен действующим законодательством Республики Узбекистан, — от момента получения информации о признаках такого преступления до направления уголовного дела в суд либо решения вопроса о выдаче лица иностранному государству. Мы намеренно строим изложение таким образом, чтобы каждый процессуальный этап анализировался не отвлечённо, а с указанием на конкретные практические трудности, возникающие именно на этом этапе, и с формулированием авторских предложений по их преодолению — не выделяя данные предложения в обособленные разделы, а последовательно интегрируя их в соответствующий тематический контекст.

Мы должны сразу оговорить методологическую позицию, определяющую характер всего последующего изложения: настоящая статья основывается прежде всего на действующем законодательстве Республики Узбекистан — Уголовном кодексе, Уголовно-процессуальном кодексе и международных договорах, участницей которых является республика, — и лишь в качестве вспомогательного, сравнительно-правового материала обращается к законодательству и практике иных государств (Российской Федерации, Республики Казахстан, Федеративной Республики Германия), а также к практике международных уголовных трибуналов. Мы полагаем необходимым проявлять особую осторожность при формулировании выводов относительно международно-правового статуса Узбекистана и точного содержания отдельных норм, избегая категоричных суждений там, где формулировки закона допускают неоднозначное толкование, и последовательно указывая источник каждого приводимого нормативного положения.

Структура статьи выстроена по логике самого процесса расследования: сначала рассматривается понятийный и системный аппарат — что именно узбекистанское законодательство относит к международным преступлениям (глава первая); далее — на каком юрисдикционном основании национальные органы вправе вести расследование (глава вторая); затем — собственно пошаговый алгоритм возбуждения и производства предварительного расследования (глава третья); далее — институт международного сотрудничества и выдачи, неизбежно возникающий при расследовании

преступлений с иностранным элементом (глава четвертая); отдельная глава посвящена вопросу об участии Узбекистана в Римском статуте Международного уголовного суда (глава пятая); шестая глава обращается к практическим проблемам доказывания; наконец, в заключительной, седьмой главе излагаются обобщающие предложения автора.

Мы считаем необходимым также заранее пояснить используемую в статье терминологию во избежание смысловых разночтений. Термин «международное преступление» используется нами исключительно в его специальном, узком международно-уголовно-правовом значении — применительно к четырём *core crimes* (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, агрессия) — и не должен смешиваться с более широким, обиходным словоупотреблением, иногда обозначающим этим термином любое преступление с иностранным элементом (например, обычную трансграничную контрабанду или мошенничество). Мы полагаем важным данное терминологическое уточнение сделать именно во введении, поскольку от него напрямую зависит корректное понимание всего последующего изложения, в частности предлагаемого нами пошагового алгоритма расследования, который относится исключительно к деяниям, предусмотренным главой VIII Уголовного кодекса Республики Узбекистан, а не к иным категориям преступлений с иностранным элементом.

***Понятие и система международных преступлений в
законодательстве Республики Узбекистан***

Прежде чем переходить к процессуальным вопросам расследования, необходимо, на наш взгляд, определиться с самим понятием «международное преступление», поскольку от его содержания напрямую зависит круг деяний, подлежащих рассмотрению в рамках настоящей статьи. В доктрине международного уголовного права принято разграничивать три категории противоправных деяний, обладающих международным элементом: собственно международные преступления (genocide, crimes against humanity, war crimes, crime of aggression) — так называемые «core crimes», посягающие на мир и безопасность человечества в целом; конвенционные (договорные) преступления, ответственность за которые предусмотрена специальными международными конвенциями (незаконный оборот наркотиков, отмывание денег, торговля людьми); и транснациональные преступления, характеризующиеся исключительно наличием иностранного элемента в составе, но не посягающие на международный правопорядок как таковой [1; 43]. Настоящая статья посвящена именно первой категории — собственно международным преступлениям в узком смысле.

Основным источником, закрепляющим составы международных преступлений в национальном законодательстве Узбекистана, выступает глава VIII Уголовного кодекса Республики Узбекистан, принятого 22 сентября 1994 года (Закон № 2012-XII), — «Преступления против мира и безопасности человечества». Данная глава входит в раздел второй Особенной части Кодекса и включает следующие составы: статья 150 — пропаганда войны; статья 151 — агрессия; статья 152 — нарушение законов и обычаев

войны; статья 153 — геноцид; статья 154 — экоцид; статья 154¹ — поступление, вербовка на военную службу, на службу в органы безопасности, полиции, военной юстиции или иные подобные органы иностранных государств (состав, по своему содержанию близкий к наёмничеству); статья 155 и последующие статьи 155¹–155³ — терроризм и связанные с ним деяния (несообщение о готовящихся террористических актах, прохождение обучения в целях терроризма, финансирование терроризма) [3; 4]. Мы полагаем важным сразу обратить внимание на два обстоятельства, характеризующих данную систему составов.

Первое обстоятельство, которое мы считаем необходимым подчеркнуть, состоит в том, что структура главы VIII Уголовного кодекса Узбекистана в значительной мере воспроизводит структуру, унаследованную от союзного уголовного законодательства и впоследствии практически синхронно воспроизведённую в уголовных кодексах большинства государств — участников Содружества Независимых Государств, включая Российскую Федерацию (глава 34 Уголовного кодекса РФ 1996 года: статьи 353–360) и Республику Казахстан [26; 27]. На наш взгляд, подобное структурное сходство — с одной стороны, позитивный фактор, облегчающий взаимное правовое сотрудничество государств региона по данной категории дел, поскольку квалификация деяния как геноцида, агрессии или военного преступления в целом основывается на сопоставимых по содержанию нормам; с другой стороны, мы полагаем необходимым отметить, что подобное структурное единообразие сформировалось ещё до принятия

Римского статута Международного уголовного суда 1998 года и, соответственно, не отражает более позднюю и значительно более детализированную систему составов, закреплённую в статье 7 Римского статута («преступления против человечности») [2; 44].

Именно на этом наблюдении мы хотели бы остановиться подробнее, поскольку, по нашему глубокому убеждению, оно составляет одну из ключевых проблем действующего узбекистанского законодательства о международных преступлениях. Уголовный кодекс Республики Узбекистан не содержит самостоятельного, обособленного состава «преступления против человечности» в том виде, в каком он закреплён в статье 7 Римского статута, — то есть как совокупности деяний (убийство, истребление, порабощение, депортация, пытки, изнасилование и иные формы сексуального насилия, преследование по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным мотивам, насильственное исчезновение людей, апартеид и другие бесчеловечные деяния), совершаемых в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц [2]. Отдельные элементы данного состава фрагментарно охватываются иными нормами Уголовного кодекса Узбекистана — общими составами убийства, истязания, незаконного лишения свободы, — однако именно системообразующий признак, отличающий преступление против человечности от общеуголовного преступления, а именно совершение деяния в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, будь то в мирное

или военное время, в действующем Уголовном кодексе Узбекистана как самостоятельный квалифицирующий признак не закреплён.

Мы считаем необходимым сформулировать здесь собственную позицию со всей возможной осторожностью, поскольку вопрос имеет существенное практическое значение. Отсутствие обособленного состава преступления против человечности само по себе не означает полной безнаказанности соответствующих деяний — они, как правило, могут быть квалифицированы по общеуголовным статьям об убийстве, истязании, изнасиловании и т.п., в необходимых случаях в совокупности со статьёй 152 (нарушение законов и обычаев войны), если деяние совершено в условиях вооружённого конфликта. Однако, на наш взгляд, подобная квалификация «по частям» не отражает системного, обобщающего характера преступления против человечности как деяния, совершаемого в рамках широкомасштабного или систематического нападения, и, что немаловажно, не позволяет в полной мере учесть при назначении наказания именно системный, массовый характер содеянного — то обстоятельство, которое, собственно, и делает подобное деяние преступлением против человечности, а не обычным преступлением против личности. Мы полагаем целесообразным рекомендовать законодателю дополнить главу VIII Уголовного кодекса Республики Узбекистан самостоятельной статьёй «Преступления против человечности», сформулированной с учётом определения, содержащегося в статье 7 Римского статута, но без формального присоединения к самому Статуту — то есть путём рецепции соответствующего международно-

правового стандарта в национальное законодательство в порядке, аналогичном тому, каким уже воспринята дефиниция геноцида в статье 153 действующего Уголовного кодекса.

С обозначенным выше материально-правовым пробелом тесно связан и вопрос о формах соучастия и видах уголовной ответственности за международные преступления, в частности о доктрине командной (начальственной) ответственности (command responsibility), согласно которой военный командир или гражданское начальственное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, совершённые их подчинёнными, если начальник знал или должен был знать о готовящемся или совершённом преступлении и не принял необходимых и разумных мер для его предотвращения или пресечения, а также для передачи дела компетентным органам для расследования и уголовного преследования [2; 39]. Данная доктрина, детально разработанная в практике Международного трибунала по бывшей Югославии и прямо закреплённая в статье 28 Римского статута, представляет собой самостоятельное основание уголовной ответственности, не сводимое к традиционным для континентального уголовного права институтам соучастия (подстрекательства, пособничества, организации преступления) [11; 12; 38]. Мы полагаем необходимым отметить, что действующий Уголовный кодекс Республики Узбекистан не содержит прямого аналога доктрины командной ответственности в её международно-правовом понимании — ответственность военного командира за бездействие в отношении преступлений подчинённых теоретически может

быть обоснована через общие институты соучастия либо через специальные воинские составы о неисполнении приказа или превышении должностных полномочий, однако, на наш взгляд, подобное опосредованное обоснование значительно менее эффективно, чем прямое, самостоятельное закрепление доктрины командной ответственности применительно именно к составам главы VIII Уголовного кодекса, и мы считаем целесообразным рекомендовать рассмотреть возможность подобного дополнения в рамках уже предложенной нами выше работы по совершенствованию материально-правовых норм о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Второе обстоятельство, заслуживающее отдельного внимания, связано с международно-договорной базой, на основе которой сформированы соответствующие составы. Республика Узбекистан присоединилась к четырём Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года о защите жертв войны и к двум Дополнительным протоколам к ним в соответствии с Постановлением Верховного Совета Республики Узбекистан от 3 сентября 1993 года № 946-ХП, при этом для республики данные международные договоры вступили в силу 8 апреля 1994 года — то есть ещё до принятия действующего Уголовного кодекса [9]. Мы полагаем, что данная хронологическая последовательность — присоединение к Женевским конвенциям в 1993–1994 годах и практически одновременное принятие Уголовного кодекса, содержащего статью 152 о нарушении законов и обычаев войны, — не случайна и свидетельствует о том, что законодатель на момент принятия Кодекса действительно стремился обеспечить

имплементацию принятых международных обязательств в сфере международного гуманитарного права, что заслуживает, на наш взгляд, положительной оценки.

Отдельного краткого рассмотрения, на наш взгляд, заслуживает состав агрессии, закреплённый в статье 151 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, — состав, исторически наиболее спорный в доктрине международного уголовного права в силу присущей ему выраженной политической природы: установление факта агрессии неизбежно требует политико-правовой оценки действий целого государства, а не только индивидуального деяния конкретного физического лица. Показательно, что даже в рамках Римского статута определение преступления агрессии и условия осуществления юрисдикции Международного уголовного суда в отношении данного состава были согласованы государствами-участниками лишь спустя четырнадцать лет после принятия самого Статута — в ходе Кампальской конференции по обзору 2010 года, а норма фактически вступила в силу только с 17 июля 2018 года [2; 38]. Мы полагаем показательным, что узбекистанский законодатель, включив состав агрессии в Уголовный кодекс ещё в 1994 году, в этом смысле опередил международное сообщество, которому потребовалось более двух десятилетий для согласования аналогичного состава на универсальном уровне, — хотя, разумеется, мы отдаём себе отчёт в том, что подобное опережение объясняется не столько особой прогрессивностью национального

законодателя, сколько прямым заимствованием уже готовой структуры союзного уголовного законодательства, о чём говорилось выше.

Иная ситуация сложилась в отношении Римского статута Международного уголовного суда. Республика Узбекистан подписала Римский статут, однако до настоящего времени не ратифицировала его — наряду с Узбекистаном в аналогичном положении находится, в частности, Кыргызская Республика, тогда как единственным государством — участником Содружества Независимых Государств, ратифицировавшим Статут, остаётся Республика Таджикистан, сделавшая это ещё 5 мая 2000 года [10; 45; 46]. Мы полагаем важным точно и без излишней категоричности обозначить правовые последствия данного обстоятельства: отсутствие ратификации означает, что Международный уголовный суд не обладает автоматической юрисдикцией в отношении преступлений, совершённых на территории Узбекистана или гражданами Узбекистана, а сам Узбекистан не несёт обязательств по имплементации Статута в объёме, предусмотренном для государств-участников (в частности, обязательства по сотрудничеству с Судом, включая исполнение его запросов об аресте и передаче лиц). Вместе с тем факт подписания Статута, на наш взгляд, сохраняет определённое юридическое значение в силу статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, предусматривающей обязанность подписавшего, но не ратифицировавшего договор государства воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели,

— хотя данное обязательство носит ограниченный характер и не порождает материальных обязательств по существу Статута.

Логика последовательного изложения материала подводит нас к следующему принципиальному вопросу, без ответа на который невозможно вести речь о практическом расследовании международных преступлений, — вопросу о юрисдикционных основаниях, то есть о том, при каких условиях национальные органы Узбекистана вообще правомочны осуществлять уголовное преследование за подобные деяния. Именно этому вопросу посвящена следующая глава настоящей статьи.

Юрисдикционные основания расследования международных преступлений

Пределы действия уголовного закона Республики Узбекистан по кругу лиц и территории закреплены в главе II Уголовного кодекса — статьях 11 и 12. Согласно статье 11, лица, совершившие преступление на территории Узбекистана, подлежат ответственности по Уголовному кодексу Республики Узбекистан; вопрос об ответственности иностранных граждан, которые в силу действующих законов, международных договоров или соглашений не подсудны судам Узбекистана (то есть обладают дипломатическим или иным иммунитетом), решается на основе норм международного права [3]. Данная норма закрепляет классический территориальный принцип действия уголовного закона, являющийся основным для подавляющего большинства

государств мира и не вызывающий, на наш взгляд, каких-либо особых затруднений в теоретическом плане.

Значительно больший интерес для целей настоящего исследования представляет статья 12 Уголовного кодекса, регулирующая действие Кодекса в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Узбекистана. Данная статья устанавливает два различных режима. Во-первых, гражданин Узбекистана не может быть выдан иностранному государству за преступление, совершённое за рубежом, — соответственно, вопрос о его ответственности решается национальными органами Узбекистана на основе Уголовного кодекса Республики Узбекистан (принцип гражданства, или активный персональный принцип). Во-вторых, иностранные граждане, а также лица без гражданства, не проживающие постоянно на территории Узбекистана, за преступления, совершённые вне его пределов, подлежат ответственности по Уголовному кодексу Республики Узбекистан лишь в случаях, предусмотренных международными договорами или соглашениями [3; 4].

Мы считаем необходимым остановиться на данной норме максимально подробно, поскольку именно она определяет — причём, на наш взгляд, весьма ограничительным образом — реальные возможности узбекистанских правоохранительных органов по расследованию международных преступлений, совершённых иностранными гражданами за пределами страны. В доктрине международного уголовного права принято выделять несколько моделей экстерриториальной юрисдикции: помимо SJIF:5.219

территориального и персонального (активного и пассивного) принципов, особое значение применительно именно к международным преступлениям имеет принцип универсальной юрисдикции, в силу которого государство вправе (а в некоторых доктринальных построениях — обязано) осуществлять уголовное преследование за наиболее тяжкие международные преступления независимо от места их совершения, гражданства виновного или потерпевшего, исходя исключительно из особой тяжести деяния для международного сообщества в целом [1; 43; 47].

Формулировка статьи 12 Уголовного кодекса Узбекистана, обуславливающая ответственность иностранного гражданина за преступление, совершённое за пределами республики, наличием соответствующего международного договора или соглашения, по нашему мнению, не устанавливает универсальной юрисдикции в её классическом, «чистом» понимании, а закрепляет значительно более узкую, договорную (конвенционную) модель экстерриториальной юрисдикции: национальные органы вправе привлечь иностранца к ответственности за деяние, совершённое за рубежом, только если такое право прямо вытекает из международного договора, участницей которого является Республика Узбекистан. Мы полагаем важным сопоставить данную модель с моделью, закреплённой, например, в германском Кодексе преступлений против международного права (Völkerstrafgesetzbuch) 2002 года, параграф 1 которого прямо устанавливает, что закон применяется ко всем предусмотренным им преступлениям (геноцид, преступления против человечности, военные

преступления) «даже если деяние было совершено за границей и не имеет связи с территорией Германии» — то есть закрепляет полную, безусловную универсальную юрисдикцию, не обусловленную наличием специального международного договора [35; 48]. Именно на основании данной нормы германские суды провели, в частности, судебный процесс в Кобленце (2020–2021 гг.) над бывшими сотрудниками сирийских спецслужб по обвинению в преступлениях против человечности, совершённых в Сирии, — первый в мире судебный приговор по делу о государственных пытках, совершённых режимом Асада [36].

Мы полагаем необходимым подчеркнуть: сопоставление с германской моделью приведено нами исключительно в сравнительно-правовых, иллюстративных целях и ни в коей мере не означает, что мы считаем действующую в Узбекистане договорную модель юрисдикции неправильной или недостаточной — напротив, мы отдаём себе отчёт в том, что модель безусловной универсальной юрисдикции, принятая в ограниченном числе государств, вызывает существенные политико-правовые дискуссии даже в западной доктрине, в том числе в связи с риском её использования в качестве инструмента одностороннего политического давления. Тем не менее, на наш взгляд, договорная модель, закреплённая в статье 12 Уголовного кодекса Узбекистана, объективно сужает круг ситуаций, в которых национальные органы могут инициировать расследование в отношении иностранного гражданина, подозреваемого в совершении международного преступления за пределами Узбекистана, — такое расследование возможно лишь тогда, когда

соответствующее государство и Узбекистан связаны применимым международным договором (например, Женевскими конвенциями применительно к военным преступлениям, если возбуждение уголовного преследования по данной категории дел прямо вытекает из соответствующих договорных норм об обязательстве *aut dedere aut judicare* — либо выдать, либо осудить).

Именно принцип *aut dedere aut judicare* (либо выдай, либо суди), закреплённый в статье 146 общей для четырёх Женевских конвенций 1949 года (применительно к серьёзным нарушениям — *grave breaches*), заслуживает, на наш взгляд, отдельного внимания в контексте узбекистанского законодательства [9]. Поскольку Узбекистан является участником Женевских конвенций, а недопустимость выдачи собственных граждан прямо закреплена в статье 12 Уголовного кодекса, логическим следствием указанного сочетания норм является то, что применительно к собственным гражданам Узбекистан обязан реализовывать именно вторую альтернативу указанного принципа — «*judicare*», то есть осуществлять уголовное преследование самостоятельно, национальными средствами, а не полагаться на выдачу подозреваемого государству, на территории которого предположительно было совершено преступление. Мы полагаем, что данное системное толкование — хотя оно прямо не сформулировано в тексте самого Уголовного кодекса — вытекает из совокупного анализа статьи 12 Кодекса и статьи 146 Женевских конвенций и должно, на наш взгляд, служить методологическим ориентиром для правоприменительной практики.

В контексте рассмотрения юрисдикционных оснований мы считаем необходимым кратко затронуть и вопрос об иммунитете действующих глав государств и высших должностных лиц от уголовного преследования за международные преступления — вопрос, приобретающий особую практическую значимость в связи с уже упомянутым нами в пятой главе настоящей статьи ордером на арест, выданным Международным уголовным судом в 2023 году. Действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Узбекистан, как и законодательство большинства государств, исходит из общего принципа неприкосновенности глав иностранных государств и лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, — принципа, прямо отражённого, как отмечалось выше, в статье 11 Уголовного кодекса, предусматривающей разрешение вопроса об ответственности подобных лиц на основе норм международного права [3]. Мы полагаем важным отметить: применительно именно к международным преступлениям в доктрине международного уголовного права идёт продолжительная дискуссия о том, распространяется ли функциональный иммунитет действующих глав государств на деяния, квалифицируемые как геноцид, преступления против человечности или военные преступления, — практика Международного Суда ООН (дело об ордере на арест 2000 года, Демократическая Республика Конго против Бельгии) в целом подтверждает сохранение персонального иммунитета действующих глав государств от уголовной юрисдикции иностранных национальных судов даже применительно к международным преступлениям, тогда как совершенно иной подход применяется в рамках юрисдикции самого Международного уголовного суда в силу прямого SJIF:5.219

указания статьи 27 Римского статута об иррелевантности должностного положения [38; 44]. Мы полагаем данное разграничение — между иммунитетом от юрисдикции национальных судов иностранных государств и отсутствием иммунитета перед Международным уголовным судом — принципиально важным для правильного понимания практических пределов действия статьи 11 Уголовного кодекса Узбекистана и считаем целесообразным отразить соответствующее разъяснение в ведомственных методических материалах для следователей и прокуроров, специализирующихся на данной категории дел.

Именно эта логика — необходимость национального расследования и, при наличии оснований, национального уголовного преследования собственных граждан, вернувшихся из зон вооружённых конфликтов, — на наш взгляд, лежит в основе практического опыта Узбекистана по работе с гражданами, ранее находившимися на территории Сирии, Ирака и Афганистана, к детальному рассмотрению которого мы обратимся в следующей главе настоящей статьи в контексте пошагового алгоритма расследования.

Прежде чем перейти непосредственно к алгоритму, мы считаем целесообразным кратко остановиться на сравнительно-правовом аспекте рассмотренной юрисдикционной модели. Уголовный кодекс Республики Казахстан, будучи, как и узбекистанский, прямым преемником союзного уголовного законодательства, закрепляет в целом аналогичную договорную модель экстерриториальной юрисдикции в отношении иностранных граждан, SJIF:5.219

однако дополнительно предусматривает так называемый пассивный персональный принцип — возможность привлечения иностранного гражданина к уголовной ответственности по казахстанскому закону за преступление, совершённое за рубежом против интересов Республики Казахстан или её граждан, независимо от наличия специального международного договора, при условии, что лицо не было осуждено в иностранном государстве и привлекается к ответственности на территории Казахстана [27]. Мы полагаем важным отметить, что действующий Уголовный кодекс Узбекистана, в отличие от казахстанской модели, не содержит подобного самостоятельного основания экстерриториальной юрисдикции, основанного на пассивном персональном принципе (то есть на гражданстве потерпевшего, а не обвиняемого), что, на наш взгляд, дополнительно сужает и без того ограниченные, договорные по своей природе, юрисдикционные возможности узбекистанских органов расследования применительно к международным преступлениям, совершённым иностранными гражданами против граждан Узбекистана за рубежом. Мы считаем целесообразным рекомендовать рассмотреть возможность дополнения статьи 12 Уголовного кодекса Республики Узбекистан аналогичным основанием юрисдикции, что позволило бы устранить выявленную асимметрию и привести узбекистанское законодательство в соответствие с более широким кругом юрисдикционных оснований, уже апробированных в законодательстве сопредельного государства со сходной правовой традицией.

Пошаговый алгоритм возбуждения и производства расследования международных преступлений

Мы считаем необходимым в настоящей главе последовательно, шаг за шагом, раскрыть процессуальный алгоритм, применяемый при расследовании уголовного дела о международном преступлении по законодательству Республики Узбекистан, поскольку именно на уровне конкретных процессуальных стадий, а не абстрактных деклараций о неотвратимости ответственности, проявляются наиболее значимые практические проблемы.

Первым шагом процесса выступает получение органом уголовного преследования повода к возбуждению уголовного дела — заявления о преступлении, явки с повинной, непосредственного обнаружения признаков преступления либо сообщения, полученного из иных источников, включая сообщения средств массовой информации, международных организаций или иностранных компетентных органов. Применительно к международным преступлениям, на наш взгляд, наиболее вероятным поводом на практике выступает именно информация, поступающая не от непосредственного заявителя внутри страны, а из внешних источников — от международных организаций (Международного Комитета Красного Креста, специализированных учреждений ООН), от иностранных правоохранительных органов в порядке правовой помощи, либо в результате возвращения на родину граждан Узбекистана, ранее находившихся в зоне

вооружённого конфликта и способных сообщить сведения о ставших им известными фактах.

Уже на данном, первом этапе, по нашему мнению, возникает существенная практическая проблема: квалификация полученной информации как относящейся именно к международному преступлению (а не к общеуголовному деянию) требует специальных знаний в области международного гуманитарного права и международного уголовного права, которыми, как показывает практика, не всегда в достаточной мере обладают сотрудники территориальных подразделений органов внутренних дел или прокуратуры, к которым первично поступает подобная информация. Мы полагаем целесообразным рекомендовать создание в структуре Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан (в силу её надзорной и координационной роли в системе уголовного преследования) специализированного подразделения или хотя бы определённой группы прокурорских работников, прошедших целевую подготовку по вопросам квалификации и расследования международных преступлений, — по аналогии с существующей мировой практикой создания подобных специализированных структур (например, отдел по расследованию военных преступлений Федеральной уголовной полиции Германии — Bundeskriminalamt, — обеспечивший, в частности, сбор доказательств по упомянутому нами Кобленцкому делу) [36; 49].

Вторым шагом является собственно возбуждение уголовного дела при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления,
SJIF:5.219

предусмотренного соответствующей статьёй главы VIII Уголовного кодекса, и определение органа, к подследственности которого отнесено расследование данной категории дел. Учитывая особую тяжесть международных преступлений и специфику затрагиваемых интересов государственной безопасности, на практике первоначальное расследование по значительной части составов главы VIII Уголовного кодекса (агрессия, геноцид, нарушение законов и обычаев войны) в большинстве государств постсоветского пространства, включая Узбекистан, отнесено к подследственности специализированных органов — следственных подразделений органов государственной безопасности либо военной прокуратуры, в зависимости от субъектного состава и обстоятельств дела.

Мы полагаем необходимым обратить внимание на то, что на данном этапе также возникает вопрос о применимости статьи 12 Уголовного кодекса, рассмотренной нами в предыдущей главе: если предполагаемый субъект преступления является иностранным гражданином, а деяние совершено за пределами Узбекистана, следователь и прокурор обязаны на данной, самой ранней стадии установить наличие применимого международного договора, служащего юрисдикционным основанием для возбуждения дела, — при отсутствии такого основания уголовное дело в отношении иностранного гражданина возбуждено быть не может, вне зависимости от тяжести и очевидности самого деяния. На наш взгляд, именно это обстоятельство — необходимость подтверждения юрисдикционного основания уже на стадии возбуждения дела — является одной из наиболее серьёзных практических

проблем, отличающих расследование международных преступлений от расследования общеуголовных деяний, и требует от следователя специальных знаний международного договорного права, что вновь подтверждает обоснованность высказанного нами выше предложения о специализированной подготовке кадров.

Третьим, наиболее продолжительным и содержательно насыщенным этапом является собственно производство предварительного следствия, в ходе которого осуществляется сбор, проверка и оценка доказательств в соответствии с общими правилами доказывания, установленными Уголовно-процессуальным кодексом Республики Узбекистан, однако с учётом ряда специфических особенностей, характерных именно для международных преступлений. Во-первых, значительная часть доказательственной базы по подобным делам, как правило, находится за пределами территориальной юрисдикции национальных органов расследования — свидетели, потерпевшие, вещественные доказательства, документация могут находиться на территории иностранного государства, в том числе государства, где отсутствует эффективный государственный контроль (типичная ситуация для зон вооружённого конфликта). Во-вторых, доказывание международных преступлений, в отличие от большинства общеуголовных деяний, требует установления не только индивидуального деяния конкретного обвиняемого, но и более широкого контекстуального элемента — существования вооружённого конфликта (для военных преступлений) либо широкомасштабного или систематического нападения на гражданское

население (для того, что могло бы быть преступлением против человечности, — вопрос, рассмотренный нами в первой главе применительно к пробелу действующего законодательства).

Мы считаем необходимым здесь обратить внимание на международный стандарт документирования пыток и иных форм жестокого обращения — так называемый Стамбульский протокол (Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания), одобренный Организацией Объединённых Наций в 1999 году [37]. Данный документ, не являясь формально обязательным международным договором, тем не менее признан авторитетным профессиональным стандартом судебно-медицинского и психологического документирования последствий пыток и широко применяется следственными и экспертными органами многих государств при расследовании как обычных случаев жестокого обращения, так и международных преступлений, сопряжённых с пытками. Мы полагаем целесообразным рекомендовать более широкое, системное внедрение методологии Стамбульского протокола в ведомственные инструкции судебно-медицинской экспертизы Республики Узбекистан — не в качестве изменения уголовно-процессуального закона, а в качестве методического стандарта, — что позволило бы повысить качество и международную убедительность доказательственной базы по делам, сопряжённым с предполагаемыми фактами пыток, вне зависимости от того,

идёт ли речь о международном преступлении в узком смысле или об общеуголовном превышении полномочий.

Четвёртым шагом, тесно связанным с предыдущим, выступает направление запросов о правовой помощи компетентным органам иностранных государств для производства следственных действий за пределами Узбекистана — допроса свидетелей, изъятия документов, производства осмотров и экспертиз. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан предусматривает, что при необходимости производства на территории иностранного государства процессуальных действий суд, прокурор, следователь или орган дознания вносит соответствующий запрос компетентному органу иностранного государства в соответствии с международными договорами Республики Узбекистан либо на основе принципа взаимности [7; 8] — данная норма была уточнена Законом Республики Узбекистан от 28 сентября 2010 года № ЗРУ-262 «О внесении изменения и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан в связи с совершенствованием порядка взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с компетентными органами иностранных государств» [8].

Мы полагаем важным отметить сохраняющуюся здесь методологическую параллель с проблемой, обозначенной нами во второй главе: направление запроса о правовой помощи возможно на основании международного договора либо, в его отсутствие, на основе принципа взаимности — то есть категория взаимности, обычно ассоциируемая в SJIF:5.219

первую очередь с институтом признания иностранных судебных решений, оказывается значимой и для собственно следственного этапа расследования международных преступлений. На наш взгляд, доказывание фактической взаимности (то есть готовности иностранного государства оказать аналогичное содействие Узбекистану в сопоставимой ситуации) в отсутствие прямого международного договора представляет собой практически весьма затруднительную задачу, способную существенно замедлить, если не парализовать, расследование по конкретному делу, — что подкрепляет высказанный нами ранее тезис о желательности заключения Узбекистаном максимально широкого круга двусторонних и многосторонних договоров о правовой помощи по уголовным делам, специально предусматривающих содействие именно по категории международных преступлений.

Именно на данном, пятом шаге алгоритма мы считаем целесообразным обратиться к конкретному практическому примеру, наглядно демонстрирующему, каким образом обозначенные выше теоретические положения реализуются в реальной правоприменительной деятельности Узбекистана. Начиная с 2017 года Республика Узбекистан осуществила серию гуманитарных операций под общим названием «Меҳр» («Милосердие»), в рамках которых с территории Сирии, Ирака и Афганистана были репатриированы более 530 граждан Узбекистана, преимущественно женщины и дети (порядка 75% от общего числа возвращённых) [38; 39]. Специальный докладчик Организации Объединённых Наций впоследствии охарактеризовала узбекскую модель как

пример «эффективной и человеческой работы» и рекомендовала иным государствам, стремящимся вернуть своих граждан из зон конфликта, использовать данный опыт в качестве образца [38].

Мы полагаем принципиально важным проанализировать данный кейс именно через призму рассматриваемого нами алгоритма расследования международных преступлений, проявляя при этом, как и было обозначено во введении к настоящей статье, необходимую осторожность в формулировках. По имеющимся открытым сведениям, узбекская модель предполагала дифференцированный, индивидуальный подход к каждому возвращающемуся лицу: женщины и дети, признанные пострадавшими от вовлечения в деятельность экстремистских группировок, как правило, направлялись не в систему уголовного преследования, а в систему социальной и психологической реабилитации, тогда как вопрос об уголовной ответственности лиц (прежде всего совершеннолетних мужчин), в отношении которых имелись сведения об участии в боевых действиях на стороне запрещённых вооружённых формирований, решался в индивидуальном порядке с учётом конкретных обстоятельств [39; 40].

Мы считаем необходимым подчеркнуть: с точки зрения рассмотренного нами в предыдущих главах алгоритма, подобная модель, на наш взгляд, представляет собой практическую реализацию именно того системного требования, которое мы вывели из сочетания статьи 12 Уголовного кодекса (запрет на выдачу собственных граждан) и статьи 146 Женевских конвенций (принцип *aut dedere aut judicare*) — поскольку выдача

SJIF:5.219

граждан Узбекистана иностранному государству (в частности, государству происхождения конфликта) исключена в силу прямого запрета национального закона, обязанность обеспечить неотвратимость ответственности за возможно совершённые тяжкие деяния (в том числе имеющие признаки составов главы VIII Уголовного кодекса, если участие в боевых действиях сопровождалось нарушением законов и обычаев войны) закономерно ложится на национальные следственные и судебные органы Узбекистана. Мы полагаем, что именно дифференцированный, индивидуализированный характер узбекской модели — отказ от формального, «списочного» подхода в пользу оценки конкретных обстоятельств каждого лица — заслуживает высокой оценки с точки зрения баланса между гуманитарными соображениями (в первую очередь применительно к детям и женщинам, значительная часть которых объективно являлась не субъектами, а жертвами вовлечения в вооружённый конфликт) и требованием неотвратимости ответственности за возможные тяжкие деяния со стороны лиц, для которых имелись достаточные основания полагать их непосредственное участие в боевых действиях.

Вместе с тем мы полагаем необходимым — руководствуясь принципом осторожности, заявленным во введении, — отметить и определённый пробел в открытой информации по данному вопросу: нам не удалось обнаружить в открытых источниках систематизированных, детализированных данных о том, в скольких случаях по итогам операций «Мехр» в отношении конкретных лиц действительно возбуждались уголовные дела по статьям

главы VIII Уголовного кодекса (в частности, по статье 152 о нарушении законов и обычаев войны) в отличие от более общих составов, связанных с участием в деятельности запрещённых организаций или наёмничеством по статье 154¹. Мы полагаем, что подобная неполнота открытой статистики сама по себе составляет практическую проблему — не столько с точки зрения правильности принимаемых решений, сколько с точки зрения возможности их независимой научной верификации, — и считаем целесообразным рекомендовать компетентным органам публиковать обобщённую (без раскрытия персональных данных) статистику квалификации уголовных дел, возбуждённых в отношении репатриированных лиц, что позволило бы объективно оценить, насколько последовательно применяется рассмотренный нами алгоритм на практике.

Заключительным шагом алгоритма, выходящим за рамки собственно предварительного расследования, но логически завершающим рассматриваемый нами процесс, выступает направление уголовного дела с обвинительным заключением в суд для рассмотрения по существу в общем порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Узбекистан, — какой-либо специализированный судебный орган для рассмотрения дел о международных преступлениях в судебной системе Узбекистана не предусмотрен, и такие дела рассматриваются судами общей юрисдикции (областными и приравненными к ним судами, с учётом тяжести вменяемых составов) в соответствии с общими правилами подсудности. Мы полагаем, что отсутствие специализации на судебной стадии — в отличие от

предлагаемой нами специализации на следственной стадии — само по себе не составляет существенной проблемы, поскольку итоговая юридическая оценка собранных доказательств в любом случае требует не столько специальных знаний международного права (которые к моменту судебного разбирательства уже должны быть отражены в материалах уголовного дела и обвинительном заключении), сколько общих профессиональных навыков судьи по оценке доказательств, что не требует создания отдельного специализированного судебного органа применительно к столь редкой категории дел.

Отдельного, специального рассмотрения, на наш взгляд, заслуживает вопрос о доказательственном значении материалов открытых источников (open-source information) и цифровых доказательств применительно к расследованию международных преступлений — вопрос, приобретший особую актуальность в течение последнего десятилетия в связи с повсеместным распространением мобильных средств фиксации, социальных сетей и спутниковой съёмки, позволяющих документировать признаки международных преступлений практически в режиме реального времени, зачастую ещё до того, как соответствующая информация становится доступна официальным следственным органам [36; 51]. Международная практика — включая практику упомянутого нами Кобленцкого процесса в Германии, в ходе которого сторона обвинения активно использовала материалы, собранные неправительственными организациями и журналистами-расследователями, — свидетельствует о растущем признании

подобных материалов в качестве допустимого источника доказательств при условии надлежащего документирования цепочки хранения (chain of custody) и независимой верификации их подлинности [36].

Мы полагаем необходимым отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Узбекистан, оперируя традиционными для континентальной системы доказывания категориями — показания, вещественные доказательства, заключения экспертов, документы, — не содержит специальных норм, регулирующих порядок приобщения и оценки именно материалов открытых источников как самостоятельной категории доказательств, что, впрочем, характерно и для законодательства большинства государств, не располагающих специализированными подразделениями по расследованию международных преступлений. Мы считаем целесообразным рекомендовать разработку соответствующих методических указаний Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, определяющих порядок фиксации, верификации подлинности (в том числе с привлечением специалистов по цифровой криминалистике) и процессуального оформления материалов открытых источников для целей их последующего использования в качестве доказательств по уголовным делам данной категории — по аналогии с уже существующими международными методическими стандартами, в частности Берклийским протоколом по расследованию с использованием открытых цифровых источников, разработанным Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека совместно с Калифорнийским университетом в Беркли [51]. Мы

полагаем, что подобная методическая работа, не требующая внесения изменений в сам текст Уголовно-процессуального кодекса, могла бы быть реализована в относительно короткие сроки и существенно расширила бы доказательственные возможности следственных органов, особенно применительно к деяниям, совершённым за пределами Узбекистана и объективно недоступным для традиционных следственных действий на месте происшествия.

Отдельного, сквозного рассмотрения, применимого ко всем описанным выше шести шагам, заслуживает институт прокурорского надзора за производством предварительного следствия по делам о международных преступлениях. В силу конституционного и уголовно-процессуального статуса прокуратуры Республики Узбекистан как органа, осуществляющего надзор за точным и единообразным исполнением законов на всех стадиях уголовного судопроизводства, прокурор наделён полномочиями по даче обязательных указаний следователю, продлению сроков предварительного следствия и, что особенно значимо применительно к рассматриваемой категории дел, по санкционированию направления международных следственных поручений и запросов об экстрадиции. Мы полагаем необходимым обратить внимание на то, что применительно к делам о международных преступлениях сроки предварительного следствия, установленные Уголовно-процессуальным кодексом в качестве общего правила, объективно недостаточны — расследование, предполагающее направление и исполнение запросов о правовой помощи иностранным

государствам (зачастую занимающее от нескольких месяцев до года и более), неизбежно требует неоднократного продления процессуальных сроков в порядке, установленном законом. Мы считаем целесообразным рекомендовать закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан специальное, увеличенное предельное значение срока предварительного следствия применительно именно к делам о преступлениях, предусмотренных главой VIII Уголовного кодекса, — по аналогии с уже существующими в законодательстве специальными (увеличенными) сроками по делам о преступлениях, представляющих особую сложность, — что позволило бы избежать искусственного давления процессуальных сроков на следователя, вынужденного дожидаться исполнения международных запросов о правовой помощи.

Рассмотренный нами пошаговый алгоритм — от получения первичной информации до направления дела в суд — неизбежно сталкивается с иностранным элементом практически на каждом из выделенных этапов, будь то определение юрисдикции, направление запросов о правовой помощи или решение вопроса о судьбе гражданина, находившегося за рубежом. Именно это обстоятельство закономерно подводит нас к необходимости отдельного, более детального рассмотрения института международного сотрудничества и, в частности, института выдачи (экстрадиции), которому посвящена следующая глава настоящей статьи.

*Институт выдачи (экстрадиции) в контексте расследования
международных преступлений*

Институт выдачи лица для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора урегулирован в Республике Узбекистан главой 65 раздела четырнадцатого Уголовно-процессуального кодекса — «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства» [7; 41]. Применительно к расследованию международных преступлений данный институт приобретает двойное значение: с одной стороны, Узбекистан может выступать запрашивающим государством, обращаясь к иностранному государству с требованием о выдаче лица, обвиняемого в совершении международного преступления и находящегося за рубежом; с другой стороны, Узбекистан может выступать запрашиваемым государством применительно к иностранным гражданам, находящимся на его территории и разыскиваемым иностранными компетентными органами за совершение подобных деяний.

Ключевой нормой, определяющей объём обязательств выдавшего государства, выступает статья 600 Уголовно-процессуального кодекса, закрепляющая так называемое правило конкретности (специальности) выдачи: лицо, выданное Республике Узбекистан иностранным государством, не может быть привлечено к уголовной ответственности, подвергнуто наказанию, а также передано третьему государству за преступление, совершённое им до выдачи и не охваченное самим актом выдачи, без согласия государства, осуществившего выдачу [41]. Мы полагаем

SJIF:5.219

необходимым отметить: данное правило, являющееся классическим для института экстрадиции в целом и напрямую не специфичное именно для международных преступлений, приобретает применительно к данной категории дел особое значение в силу множественности возможных квалификаций одного и того же деяния (например, факты, изначально квалифицированные запрашивающим государством как общеуголовное убийство, в ходе дальнейшего расследования могут получить дополнительную квалификацию по статье 152 Уголовного кодекса как нарушение законов и обычаев войны) — в подобной ситуации расширение объёма уголовного преследования за пределы первоначального запроса о выдаче потребует получения дополнительного согласия выдавшего государства, что способно существенно замедлить процесс отправления правосудия.

Как уже было отмечено в предыдущих главах, статья 12 Уголовного кодекса и корреспондирующие ей нормы Уголовно-процессуального кодекса устанавливают безусловный запрет на выдачу граждан Республики Узбекистан иностранному государству [3; 4]. Данный подход — типичный для большинства государств континентальной правовой традиции, в отличие от англосаксонской традиции, допускающей в определённых случаях выдачу собственных граждан, — на наш взгляд, требует особого внимания именно в контексте международных преступлений, поскольку означает, что вне зависимости от места совершения деяния и тяжести обвинения окончательное решение вопроса об ответственности гражданина Узбекистана

всегда будет приниматься национальными, а не иностранными судебными органами. Мы полагаем, что подобная модель в целом соответствует общепринятому международному стандарту (запрет на выдачу собственных граждан закреплён в конституциях и уголовно-процессуальных кодексах абсолютного большинства государств континентальной правовой семьи, включая Россию и Казахстан) [26; 27], однако она возлагает на национальные следственные органы Узбекистана — как мы уже отмечали применительно к операциям «Мехр» — исключительную и неразделяемую с иностранными государствами ответственность за обеспечение неотвратимости уголовного преследования собственных граждан за международные преступления, совершённые за рубежом.

Основу договорной базы, регулирующей выдачу и правовую помощь по уголовным делам применительно к государствам — участникам Содружества Независимых Государств, составляет Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция) 1993 года, а по отдельным категориям экономических споров — Киевское соглашение 1992 года [24; 25]. Применительно к государствам за пределами СНГ соответствующие вопросы регулируются двусторонними договорами о правовой помощи либо, в их отсутствие, решаются на основе упомянутого выше принципа взаимности. Мы полагаем необходимым обратить внимание на то, что применительно именно к международным преступлениям — геноциду, преступлениям против человечности, военным преступлениям — двусторонняя договорная

база Узбекистана с государствами, не входящими в СНГ, объективно менее развита, чем в отношении общеуголовных составов, что, на наш взгляд, составляет ещё одну практическую проблему, обозначенную нами ранее применительно к сбору доказательств за рубежом.

В качестве конкретного предложения по совершенствованию данной сферы мы считаем целесообразным рекомендовать Республике Узбекистан рассмотреть возможность присоединения к профильным многосторонним конвенциям, специально посвящённым международному сотрудничеству именно по делам о международных преступлениях, — в частности, к Конвенции о международной правовой помощи и судебном сотрудничестве в отношении геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и иных международных преступлений (Люблянско-Гаагская конвенция, открытая для подписания в 2023 году), разработанной специально для восполнения пробела, заключающегося в том, что классические многосторонние конвенции о правовой помощи по уголовным делам, как правило, содержат оговорки, исключающие их применение к политически мотивированным или военным преступлениям [42]. Мы полагаем, что присоединение к подобному специализированному инструменту существенно расширило бы практические возможности узбекистанских органов расследования по сбору доказательств и осуществлению правовой помощи именно по категории международных преступлений, не будучи при этом связанным с более широким и политически чувствительным вопросом о

ратификации Римского статута Международного уголовного суда, к рассмотрению которого мы переходим в следующей главе.

Отдельного внимания заслуживает и вопрос об основаниях отказа в выдаче, поскольку он приобретает специфическое звучание применительно именно к международным преступлениям. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, как и законодательство большинства государств, предусматривает отказ в выдаче, в частности, в случаях, когда имеются основания полагать, что лицо в запрашивающем государстве может быть подвергнуто пыткам, а также по так называемым «политическим» основаниям, если преследование связано с политическими убеждениями лица [7; 41]. Мы полагаем необходимым обратить особое внимание на потенциальную коллизию между данным, в целом справедливым и гуманным основанием отказа в выдаче, и необходимостью обеспечения неотвратимости ответственности за международные преступления: лицо, обвиняемое, например, в военных преступлениях, теоретически может ссылаться на политический характер преследования в целях избежания выдачи. Именно поэтому современное международное право, в частности статья 1 Европейской конвенции о пресечении терроризма и аналогичные положения ряда специализированных антитеррористических конвенций, прямо исключает применение «политической оговорки» к наиболее тяжким международным преступлениям — подход, который, на наш взгляд, было бы целесообразно прямо закрепить и в узбекистанском уголовно-процессуальном законодательстве применительно к составам главы VIII

Уголовного кодекса, с тем чтобы исключить саму возможность использования политической оговорки в качестве инструмента ухода от ответственности за геноцид, преступления против человечности или военные преступления.

Отдельного внимания заслуживает и роль Международной организации уголовной полиции (Интерпол), членом которой Республика Узбекистан является с 1994 года, — Национальное центральное бюро Интерпола, действующее в структуре Министерства внутренних дел Республики Узбекистан, обеспечивает направление и получение международных запросов о розыске лиц, в том числе разыскиваемых за совершение международных преступлений, посредством системы уведомлений (нотисов), включая «красные уведомления» о розыске лиц в целях их последующей выдачи [24]. Мы полагаем важным отметить, что механизм Интерпола, при всей своей практической полезности для целей розыска, не подменяет собой сам институт экстрадиции — «красное уведомление» является лишь просьбой к национальным правоохранительным органам государств — членов Интерпола установить местонахождение и предварительно задержать разыскиваемое лицо, тогда как вопрос о его дальнейшей выдаче в любом случае решается в соответствии с национальным законодательством запрашиваемого государства и применимыми международными договорами, рассмотренными нами выше. Мы считаем целесообразным подчеркнуть данное разграничение, поскольку в общественном и даже в части профессионального юридического дискурса

нередко ошибочно отождествляется факт объявления лица в международный розыск через Интерпол с автоматической обязанностью его выдачи, что не соответствует действительному правовому содержанию данного института.

***Международный уголовный суд и позиция Республики Узбекистан:
анализ и оценка перспектив***

Международный уголовный суд, учреждённый Римским статутом 1998 года и начавший функционирование в 2002 году, представляет собой первый постоянно действующий международный судебный орган, обладающий юрисдикцией в отношении геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и преступления агрессии [2; 44]. Ключевым принципом, определяющим соотношение юрисдикции Суда с национальными правовыми системами государств-участников, выступает принцип комплементарности (дополнительности), закреплённый в статье 17 Римского статута: Суд принимает дело к своему производству лишь в случае, если государство, обладающее юрисдикцией, не желает или не способно вести расследование или уголовное преследование должным образом [2]. Иными словами, Международный уголовный суд не подменяет собой национальные системы правосудия, а действует субсидиарно, лишь при их фактической недееспособности или недобросовестности.

Как уже отмечалось в первой главе настоящей статьи, Республика Узбекистан подписала Римский статут, но не ратифицировала его; аналогичная ситуация характерна для Кыргызской Республики, тогда как

Республика Таджикистан остаётся единственным государством — участником СНГ, ратифицировавшим Статут ещё в 2000 году, а Республика Казахстан, Азербайджанская Республика, Республика Беларусь и Туркменистан Статут не подписывали вовсе; Российская Федерация, подписавшая Статут в 2000 году, в 2016 году официально отозвала свою подпись [10; 45; 46]. Мы полагаем целесообразным привести и более свежий, показательный пример из практики иных постсоветских государств: Республика Армения, также лишь подписавшая Статут в 1998 году, в 2023 году произвела его ратификацию, доведя число государств — участников Статута до 124, — данное решение было прямо связано с намерением армянской стороны обеспечить более надёжные правовые гарантии на фоне обострения отношений с соседними государствами [46].

Мы считаем необходимым сформулировать собственную, взвешенную позицию относительно целесообразности ратификации Римского статута Республикой Узбекистан, воздерживаясь при этом от категоричных рекомендаций, поскольку решение подобного рода находится в исключительной компетенции суверенного государства и связано с широким кругом политических, а не только юридических факторов. С одной стороны, мы полагаем, что ратификация Статута могла бы принести Узбекистану ряд практических выгод: во-первых, она обеспечила бы автоматический, а не основанный на разрозненных двусторонних договорах, канал сотрудничества с Международным уголовным судом по вопросам сбора доказательств и, в надлежащих случаях, передачи лиц; во-вторых, она способствовала бы

международному признанию Узбекистана в качестве государства, полностью приверженного современным международным стандартам борьбы с безнаказанностью за наиболее тяжкие преступления, что имеет, на наш взгляд, определённое репутационное значение для страны, последовательно позиционирующей себя как активного участника многосторонних институтов, включая, как мы показали в наших предыдущих исследованиях, Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе.

С другой стороны, мы полагаем необходимым столь же добросовестно изложить и контраргументы, которые, по всей видимости, объясняют осторожность Узбекистана и большинства иных государств региона в вопросе ратификации. Во-первых, принцип комплементарности, при всей его теоретической привлекательности, на практике предполагает, что оценку «нежелания или неспособности» государства вести собственное расследование в конечном счёте даёт сам Международный уголовный суд, что рядом государств воспринимается как потенциальное ограничение суверенитета в оценке эффективности собственной судебной системы. Во-вторых, ратификация Статута повлекла бы необходимость масштабной имплементационной работы по приведению национального законодательства в соответствие с его требованиями — включая, как мы указывали в первой главе, введение самостоятельного состава преступления против человечности, — что представляет собой значительный законотворческий труд. В-третьих, опыт привлечения к международной ответственности глав государств и высших должностных лиц (в частности, выдача

Международным уголовным судом ордера на арест Президента Российской Федерации в 2023 году) объективно демонстрирует политическую чувствительность деятельности Суда для государств, поддерживающих тесные политические и экономические связи с государствами, чьи представители могут стать объектом преследования Суда, — фактор, значение которого, на наш взгляд, нельзя недооценивать применительно к внешнеполитическому позиционированию Узбекистана в рамках проводимой им многовекторной политики.

Взвешивая приведённые аргументы, мы полагаем возможным сформулировать следующее авторское предложение, представляющееся нам разумным компромиссом: вместо немедленной постановки вопроса о ратификации Римского статута в полном объёме, Республике Узбекистан целесообразно было бы, во-первых, приступить к самостоятельной, автономной имплементации отдельных материально-правовых стандартов Статута в национальное законодательство — прежде всего в части определения преступления против человечности, о чём говорилось выше, — не будучи связанной при этом процессуальными обязательствами по сотрудничеству с Судом; во-вторых, рассмотреть возможность присоединения к упомянутой в предыдущей главе Люблянской-Гаагской конвенции о правовой помощи по делам о международных преступлениях как к менее политически чувствительному, сугубо процессуальному инструменту международного сотрудничества. Подобная поэтапная стратегия, на наш взгляд, позволила бы Узбекистану постепенно сближать

национальное законодательство с современными международными стандартами без принятия единовременного и политически чувствительного решения о полноценном присоединении к юрисдикции Международного уголовного суда.

Дополнительным аргументом в пользу предложенной нами поэтапной стратегии служит и то обстоятельство, что даже для государств — полноправных участников Римского статута юрисдикция Международного уголовного суда на практике реализуется весьма ограниченно в силу так называемого критерия достаточной тяжести (gravity threshold), закреплённого в статье 17(1)(d) Статута: Суд принимает к производству лишь дела, которые являются «достаточно тяжкими», чтобы оправдать дальнейшие действия Суда, — критерий, который сама Прокуратура Международного уголовного суда применяет весьма избирательно с учётом масштаба, характера, способа совершения деяний и их воздействия на потерпевших [38; 39]. Мы полагаем, что понимание данного обстоятельства — а именно того, что даже полноправное участие в Статуте не гарантирует автоматического рассмотрения Судом любого дела о международном преступлении, а лишь открывает теоретическую возможность такого рассмотрения при соблюдении дополнительных, весьма строгих критериев приемлемости, — способно скорректировать распространённое, на наш взгляд, несколько преувеличенное представление о том, что ратификация Статута сама по себе радикально меняет практическую ситуацию с международным уголовным преследованием; в этом смысле, полагаем мы, основная практическая

нагрузка по обеспечению неотвратимости ответственности за международные преступления в любом случае остаётся на национальных системах правосудия, что лишь подтверждает обоснованность нашего акцента именно на совершенствовании национального законодательства и правоприменительной практики Республики Узбекистан.

Наконец, мы считаем целесообразным кратко упомянуть и институциональный аспект Римского статута, обычно остающийся в тени собственно уголовно-правовой проблематики, — Целевой фонд в интересах потерпевших (Trust Fund for Victims), учреждённый при Международном уголовном суде для оказания материальной и психологической поддержки потерпевшим от международных преступлений и реализации программ возмещения причинённого им вреда [38]. Мы полагаем, что вне зависимости от итогового решения вопроса о ратификации самого Статута, узбекистанскому законодателю было бы целесообразно рассмотреть возможность создания аналогичного по функциональному назначению национального механизма компенсации потерпевшим от международных преступлений — прежде всего применительно к лицам, пострадавшим от деятельности запрещённых вооружённых формирований, — поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Узбекистан, предусматривая общий институт гражданского иска в уголовном процессе, объективно не приспособлено к специфике массового, систематического характера вреда, причиняемого международными преступлениями, и не предполагает какого-либо специализированного,

внесудебного механизма коллективного возмещения вреда потерпевшим соответствующей категории.

Помимо рассмотренных выше юрисдикционных и институциональных вопросов, расследование международных преступлений сталкивается с рядом сугубо практических, доказательственных трудностей, которые, на наш взгляд, заслуживают отдельного, хотя и более краткого рассмотрения в рамках настоящей статьи, поскольку они тесно связаны с уже проанализированным алгоритмом расследования.

Первая практическая проблема связана с временным фактором: международные преступления, в силу самой природы вооружённых конфликтов и масштабных нарушений прав человека, нередко становятся предметом расследования спустя значительный промежуток времени после их совершения — когда часть свидетелей и потерпевших недоступна, документальные доказательства утрачены или уничтожены, а вещественная обстановка места происшествия (например, места массовых захоронений) претерпела существенные изменения. Мы полагаем целесообразным отметить, что Уголовный кодекс Республики Узбекистан, устанавливая по общему правилу давностные сроки привлечения к уголовной ответственности, не содержит прямого указания на неприменимость сроков давности к преступлениям против мира и безопасности человечества — в отличие, например, от подхода, зафиксированного в Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года [50]. Мы считаем данный пробел

SJIF:5.219

существенным и полагаем целесообразным рекомендовать законодателю прямо закрепить в Уголовном кодексе Республики Узбекистан правило о неприменении сроков давности к деяниям, предусмотренным статьями 151–153 (агрессия, нарушение законов и обычаев войны, геноцид), что соответствовало бы общепризнанному в международном праве принципу недопустимости безнаказанности наиболее тяжких международных преступлений в силу одного лишь истечения времени.

Вторая проблема связана с языковым и культурным барьером при работе со свидетелями и потерпевшими, находящимися за рубежом либо являющимися представителями иных этнических или языковых групп, — качественный перевод показаний, учёт культурных особенностей при проведении допроса лиц, переживших травматический опыт, требуют специальной подготовки следователей и переводчиков, которая, на наш взгляд, пока не в полной мере институционализирована в системе профессиональной подготовки следственных кадров Узбекистана. Мы полагаем целесообразным рекомендовать включение соответствующего специализированного курса — основанного, в частности, на уже упоминавшейся методологии Стамбульского протокола применительно к допросу лиц, переживших пытки и иные формы жестокого обращения, — в программы профессиональной подготовки и повышения квалификации следователей Академии Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан.

Третья проблема носит более общий, институциональный характер и логически подытоживает всё содержание настоящей главы: расследование

международных преступлений, в силу своей штучности (единичности случаев) и высокой сложности, объективно не позволяет отдельно взятому следователю или прокурору наработать устойчивую профессиональную специализацию исключительно на данной категории дел — в отличие, например, от следователей, специализирующихся на экономических или коррупционных преступлениях, регулярно расследующих однотипные дела. Мы полагаем, что именно это структурное обстоятельство служит наиболее весомым аргументом в пользу нашего предложения, сформулированного в третьей главе настоящей статьи, — о создании в системе Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан специализированного подразделения (пусть и малочисленного по штатной численности), сотрудники которого целенаправленно аккумулировали бы соответствующие профессиональные компетенции, поддерживали бы постоянные рабочие контакты с международными организациями (Международным Комитетом Красного Креста, профильными подразделениями ООН) и обеспечивали бы методическое сопровождение территориальных следственных органов при возникновении конкретных дел данной категории.

Четвёртая проблема, требующая, на наш взгляд, отдельного упоминания, связана с обеспечением безопасности и защиты свидетелей и потерпевших по делам о международных преступлениях. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан предусматривает общий институт мер безопасности участников уголовного процесса, однако, на наш взгляд, применительно именно к делам о международных преступлениях

данный институт нуждается в определённой адаптации: свидетели и потерпевшие по подобным делам нередко сохраняют родственные, социальные или профессиональные связи с лицами, находящимися в предполагаемой зоне вооружённого конфликта или связанными с запрещёнными организациями, что создаёт риски давления на них не только в самом Узбекистане, но и опосредованно — через оставшихся за рубежом родственников. Мы полагаем целесообразным рекомендовать разработку специальных ведомственных протоколов взаимодействия следователя с психологами и социальными работниками при допросе подобной категории свидетелей и потерпевших — в частности, применительно к лицам, возвращённым в рамках операций «Мехр» и способным дать показания о ставших им известными фактах нарушения законов и обычаев войны, — что позволило бы, с одной стороны, обеспечить полноту и достоверность собираемых доказательств, а с другой — минимизировать риск ретравматизации таких лиц в ходе процессуальных действий.

Пятая, обобщающая проблема данной главы связана с уровнем международной методической интеграции национальных следственных кадров Узбекистана в профессиональные сообщества, специализирующиеся на расследовании международных преступлений. Мы полагаем, что регулярное участие следователей и прокуроров Республики Узбекистан в международных обучающих программах — организуемых, в частности, Международным Комитетом Красного Креста, Международной ассоциацией юристов и профильными подразделениями Организации Объединённых

Наций, — является не менее важным элементом совершенствования национальной практики расследования, нежели собственно законодательные изменения, обсуждавшиеся нами в предыдущих главах. На наш взгляд, никакое, даже самое совершенное, законодательное регулирование не способно компенсировать отсутствие у конкретного следователя практических навыков и специальных знаний, необходимых для качественного расследования данной весьма специфической и, к счастью, относительно редко встречающейся на практике категории уголовных дел, что вновь возвращает нас к сформулированному нами в третьей главе настоящей статьи предложению о создании специализированного следственного подразделения как институциональной основы для систематического накопления и передачи подобной профессиональной экспертизы.

Проведённый в предыдущих главах анализ позволяет нам систематизировать основные направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики Республики Узбекистан в сфере расследования международных преступлений, объединив предложения, сформулированные нами по ходу изложения материала, в единую, целостную картину.

Первое направление — материально-правовое — состоит в дополнении главы VIII Уголовного кодекса Республики Узбекистан самостоятельным составом преступления против человечности, сформулированным с учётом определения статьи 7 Римского статута, в прямом закреплении

SJIF:5.219

неприменимости сроков давности к деяниям, предусмотренным статьями 151–153 Уголовного кодекса, а также в дополнении Кодекса самостоятельным основанием ответственности по доктрине командной (начальственной) ответственности применительно к составам главы VIII. Второе направление — институциональное — заключается в создании в структуре Генеральной прокуратуры специализированного подразделения по расследованию международных преступлений, во внедрении методологии Стамбульского и Берклийского протоколов в ведомственные стандарты судебно-медицинской экспертизы и цифровой криминалистики, а также в разработке специальных протоколов работы с уязвимыми свидетелями и потерпевшими. Третье направление — договорно-правовое — состоит в расширении двусторонней и многосторонней договорной базы международного сотрудничества по данной категории дел, в частности за счёт присоединения к специализированным конвенциям, подобным упомянутой нами Люблянско-Гаагской конвенции, без обязательной привязки данного шага к более широкому и политически чувствительному вопросу о ратификации Римского статута. Четвёртое направление — статистическое и информационное — заключается в повышении открытости и системности статистических данных о квалификации уголовных дел, возбуждаемых в отношении лиц, связанных с зонами вооружённых конфликтов, что позволило бы обеспечить независимую научную верификацию последовательности применения рассмотренного нами алгоритма. Наконец, пятое направление — компенсаторное — предполагает создание национального механизма возмещения вреда потерпевшим от

SJIF:5.219

международных преступлений по аналогии с Целевым фондом в интересах потерпевших при Международном уголовном суде.

Мы полагаем важным в завершение данной главы подчеркнуть: все сформулированные нами предложения исходят из презумпции добросовестного и последовательного соблюдения Республикой Узбекистан уже принятых на себя международных обязательств — прежде всего в рамках Женевских конвенций 1949 года — и направлены не на критику существующей системы как таковой, а на её дальнейшее, эволюционное совершенствование с учётом объективно накопленного за последние десятилетия международного и национального практического опыта, включая рассмотренный нами положительный опыт гуманитарных операций «Мехр».

Руководствуясь заявленным во введении принципом методологической осторожности, мы считаем необходимым прямо обозначить ограничения проведённого исследования. Во-первых, значительная часть выводов, касающихся практического применения рассмотренного нами алгоритма (в частности, применительно к операциям «Мехр»), основана на открытых, преимущественно официальных и медийных источниках, поскольку детальные материалы конкретных уголовных дел о международных преступлениях по объективным причинам не публикуются в открытом доступе; соответственно, отдельные наши суждения о практическом правоприменении носят в известной мере реконструктивный, а не эмпирически верифицированный характер. Во-вторых, сравнительно-

SJIF:5.219

правовой материал, использованный в настоящей статье, ограничен несколькими юрисдикциями (Российская Федерация, Республика Казахстан, Федеративная Республика Германия) и не претендует на исчерпывающий обзор мировой практики регулирования данного вопроса. В-третьих, статья не рассматривает подробно процессуальные аспекты судебного разбирательства по делам о международных преступлениях, сосредотачиваясь преимущественно на досудебной стадии, что было осознанным методологическим выбором, обусловленным объёмом и целями настоящего исследования. Мы полагаем, что дальнейшие научные работы по данной проблематике могли бы быть с пользой сосредоточены на восполнении обозначенных пробелов, в частности на эмпирическом анализе фактически рассмотренных национальными судами Узбекистана уголовных дел, связанных с деятельностью запрещённых вооружённых формирований за рубежом, в той мере, в какой соответствующие судебные акты доступны для научного анализа.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы.

Во-первых, система составов международных преступлений, закреплённая в главе VIII Уголовного кодекса Республики Узбекистан (статьи 150–156), в целом соответствует классической, унаследованной от союзного законодательства модели, однако, как показал проведённый нами

анализ, не содержит самостоятельного состава преступления против человечности в объёме, соответствующем статье 7 Римского статута, что мы считаем наиболее существенным материально-правовым пробелом действующего законодательства [2; 3].

Во-вторых, юрисдикционные основания расследования международных преступлений, закреплённые в статьях 11 и 12 Уголовного кодекса, устанавливают договорную, а не безусловную универсальную модель экстерриториальной юрисдикции в отношении иностранных граждан, что, как мы показали на примере сопоставления с германским Кодексом преступлений против международного права, объективно сужает круг ситуаций, в которых Узбекистан вправе самостоятельно вести уголовное преследование иностранцев за деяния, совершённые за рубежом, одновременно возлагая полную ответственность за преследование собственных граждан на национальные органы в силу запрета их выдачи [3; 35; 41].

В-третьих, разработанный нами пошаговый алгоритм расследования — от получения первичного сообщения до направления дела в суд — продемонстрировал наличие практических проблем на каждом из выделенных этапов, что мы проиллюстрировали на реальном практическом примере гуманитарных операций «Мехр», представляющих собой, на наш взгляд, удачную, хотя и не в полной мере отражённую в открытой статистике, практическую реализацию требования о неотвратимости национального уголовного преследования собственных граждан за

SJIF:5.219

возможные международные преступления, совершённые за рубежом [38; 39; 40].

В-четвёртых, вопрос об участии Узбекистана в Римском статуте Международного уголовного суда, при всей его политической чувствительности, допускает, на наш взгляд, компромиссное решение в виде поэтапной автономной имплементации отдельных материально-правовых стандартов Статута без немедленной постановки вопроса о его ратификации в полном объёме [2; 10; 45; 46].

В-пятых, предложенные нами конкретные меры — введение самостоятельного состава преступления против человечности, закрепление неприменимости сроков давности, создание специализированного следственного подразделения, внедрение методологии Стамбульского протокола и расширение договорной базы международного сотрудничества — представляют собой, на наш взгляд, реалистичный и совместимый с принципом государственного суверенитета план дальнейшего совершенствования национального законодательства и правоприменительной практики Республики Узбекистан в области расследования международных преступлений.

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что расследование международных преступлений — в силу самой природы данной категории деяний — неизбежно требует сочетания твёрдой приверженности принципам национального суверенитета и государственного правопорядка с

готовностью к последовательному, поэтапному совершенствованию законодательства с учётом лучшего международного опыта. Мы убеждены, что именно такой сбалансированный подход, отвергающий как полную самоизоляцию от современных международно-правовых стандартов, так и их некритичное, поспешное заимствование без учёта национальной правовой традиции, наилучшим образом отвечает долгосрочным интересам Республики Узбекистан как государства, последовательно демонстрирующего приверженность принципу неотвратимости ответственности за наиболее тяжкие преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества.

Мы также полагаем уместным завершить настоящую статью следующим общим наблюдением: рассмотренный нами на всём протяжении работы пошаговый алгоритм — от получения первичного сообщения о преступлении до направления дела в суд либо решения вопроса о выдаче — при всей своей формально-процессуальной нейтральности неизбежно проверяется на прочность именно в кризисных, нестандартных ситуациях, наиболее ярким примером которых стал для Узбекистана опыт возвращения граждан из зон вооружённых конфликтов. Мы полагаем, что именно способность правовой системы государства адекватно и гуманно реагировать на подобные нестандартные вызовы — сочетая гуманитарную чуткость с неотступным требованием неотвратимости ответственности за наиболее тяжкие деяния — и составляет, в конечном счёте, подлинное мерило зрелости национальной системы уголовного судопроизводства

применительно к столь сложной и ответственной категории дел, как расследование международных преступлений.

Список использованной литературы

1. Устав Организации Объединённых Наций. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.
 2. Римский статут Международного уголовного суда. Рим, 17 июля 1998 г.
 3. Уголовный кодекс Республики Узбекистан, утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с последующими изменениями и дополнениями). — Глава VIII «Преступления против мира и безопасности человечества».
 4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан, утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (с последующими изменениями и дополнениями). — Раздел четырнадцатый «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства».
 5. Конституция Республики Узбекистан (в действующей редакции).
 6. Устав Международного военного трибунала (Нюрнбергский устав). Лондон, 8 августа 1945 г.
 7. Закон Республики Узбекистан «О внесении изменения и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан в связи с совершенствованием порядка взаимодействия судов, прокуроров,
- SJIF:5.219

следователей и органов дознания с компетентными органами иностранных государств» от 28 сентября 2010 г. № ЗРУ-262.

8. Комментарий к разделу четырнадцатому Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства». — Ташкент.

9. Постановление Верховного Совета Республики Узбекистан от 3 сентября 1993 г. № 946-XII «О присоединении к Женевским конвенциям о защите жертв войны и Дополнительным протоколам к ним».

10. Список государств — участников Римского статута Международного уголовного суда // Ассамблея государств-участников МУС. URL: <https://asp.icc-cpi.int/states-parties> (дата обращения: 18.07.2026).

11. Статут Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), утв. Резолюцией Совета Безопасности ООН 827 (1993).

12. Статут Международного трибунала по Руанде (МТР), утв. Резолюцией Совета Безопасности ООН 955 (1994).

13. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г.

14. Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (I Женевская конвенция). Женева, 12 августа 1949 г.

15. Женевская конвенция об обращении с военнопленными (III Женевская конвенция). Женева, 12 августа 1949 г.

16. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (IV Женевская конвенция). Женева, 12 августа 1949 г.

17. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 г.

18. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 г.

19. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Нью-Йорк, 26 ноября 1968 г.

20. Саидов А.Х. Международное право: учебник. — Ташкент: Адолат.

21. Саидов А.Х. Международное публичное право: учебник. — Ташкент.

22. Рустамбаев М.Х. Уголовный процесс Республики Узбекистан. Общая часть. — Ташкент.

23. Рустамбаев М.Х. Уголовное право Республики Узбекистан. Особенная часть: преступления против мира и безопасности человечества. — Ташкент.

24. Гулямов С.С., Рахманкулов Х.Р. Правоохранительные органы Республики Узбекистан. — Ташкент.

25. Академия Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан. Научные труды по вопросам расследования тяжких и особо тяжких преступлений. — Ташкент.
26. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. — Глава 34 «Преступления против мира и безопасности человечества».
27. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V.
28. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: учебник. — М.: Спарк.
29. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: постатейный комментарий. — М.: Волтерс Клувер.
30. Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи, принципы. — СПб.: Юридический центр Пресс.
31. Костенко Н.И. Международный уголовный суд (юрисдикционные аспекты). — М.: Юрлитинформ.
32. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества (сравнительный и международно-правовой аспекты). — М.: Юрлитинформ.
33. Адельханян Р.А. Военные преступления в современном праве. — М.: МЗ-Пресс.

34. Карташкин В.А. Международные организации: учебное пособие. — М.
35. Werle G., Jeßberger F. Principles of International Criminal Law. — Oxford: Oxford University Press.
36. Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmshurst E. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. — Cambridge: Cambridge University Press.
37. Cassese A. International Criminal Law. — Oxford: Oxford University Press.
38. Schabas W.A. An Introduction to the International Criminal Court. — Cambridge: Cambridge University Press.
39. Bassiouni M.C. Introduction to International Criminal Law. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers.
40. Bantekas I. International Criminal Law. — Oxford: Hart Publishing.
41. Higher Regional Court of Koblenz (Germany). Judgment in the Al-Khatib case (Anwar Raslan), 13 January 2022.
42. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Стамбульский протокол: Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. — Нью-Йорк и Женева: ООН, 1999 (HR/P/PT/8/Rev.1).

43. Узбекская модель по репатриации женщин и детей из зон конфликта должна стать примером для других стран // Новости ООН, 09.12.2021. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1415262> (дата обращения: 18.07.2026).

44. «Узбекская модель» реабилитации: итоги семи лет гуманитарных операций «Мехр» в Узбекистане // Uza.uz, 2026. URL: https://uza.uz/ru/posts/uzbekskaya-model-reabilitacii-itogi-semi-let-gumanitarnyx-operatsiy-mexr-v-uzbekistane_863867 (дата обращения: 18.07.2026).

45. Операция «Мехр»: путь исправления // Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека. URL: <https://www.nhrc.uz/ru/news/operatsiya-mehr-put-ispravleniya> (дата обращения: 18.07.2026).

46. Ratification of the Rome Statute by the Republic of Armenia and its significance for the CIS region // European External Action Service, Statement by HR/VP Josep Borrell, 04.10.2023.

47. Конвенция о международной правовой помощи и судебном сотрудничестве в отношении расследования и уголовного преследования за геноцид, преступления против человечности, военные преступления и иные международные преступления (Люблянско-Гаагская конвенция), открыта для подписания 26 мая 2023 г.

48. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция). Минск, 22 января 1993 г.

49. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киевское соглашение). Киев, 20 марта 1992 г.

50. Обзор законодательства стран Содружества Независимых Государств на соответствие Римскому статуту Международного уголовного суда // Международный Комитет Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/other/cis.pdf> (дата обращения: 18.07.2026).

51. UC Berkeley Human Rights Center, UN Office of the High Commissioner for Human Rights. Berkeley Protocol on Digital Open Source Investigations: A Practical Guide on the Effective Use of Digital Open Source Information in Investigating Violations of International Criminal, Human Rights and Humanitarian Law. — New York and Geneva: United Nations, 2022 (HR/PUB/20/2).